

Мария ЧЕРТКОВА Дом с осликом

Более полувека назад старинный двухэтажный дом был большим. Маленькой была я.

Дом и сегодня хранит серьезный, строгий, значительный вид, хотя его, как и меня, время немного изменило. Удивительно, но сохранились и старинные ворота с чугунными завитушками, среди которых просматривается дата — 1888 год. В дни нашего детства ворота открывались днем — только толчки рукой, а вечером — нажми кнопку звонка и приготовь плату за вход строгому дворнику.

Не все обитатели дома зависели от настроения дворника: угловой дом частью фасада смотрел в переулочек, где имелись парадные подъезды, двери которых не закрывались вовсе. А мы, живущие в фасадной части, были обладателями сразу двух почтовых адресов. И двух входов в квартиры: парадного и черного. В тамбуре черного хода, открыв внешнюю дверь, люди частенько выставляли примуса, позднее — керогазы. Легендарным стало в нашей семье похищение из тамбура кипящей выварки с бельем. Я

и сегодня не могу понять, как можно было утащить выварку?! Это вам уже не кража "закипающего во дворе самовара" из дома № 5. Там сначала пропали ворота, а наши, как известно, стоят по сей день. Правда, мама вначале схватилась за сердце, а потом смех сразил всех наповал.

Детские игры наши чаще происходили во дворе, но и переулочек терпеливо принимал ватагу веселой детворы. Среди веселья и забав я дважды получала ранение головы, причем, честное слово, случайно. Голова была обычных размеров, но почему-то именно в мой лоб угодила никелевая тарелочка из игрушечного сервиза, которую рассеянно метнул в никуда Илья Буркун. Он был старше, с мелкотней не знался, а угодил снарядом в цель — в мелкотню. А потом соседский Вовка для интереса камни бросал, меня рядом не было, но камень нашел мою макушку. От вида крови, текущей через висок, я чуть не хлопнулась в обморок. Зато потом мысленно благодарила Вовку: в школе я прослы-

ла героиней, да еще и белая повязка на махер шапочки-менингитки так украсила темноволосую девочку.

Одно из любимых воспоминаний связано с пекарней, которая размещалась в подвале фасадной части дома.

Поколения жильцов сменялись с тех пор не раз, и теперь уже сменились окончательно.

Где сейчас найдешь человека, которому можно задать вопрос: "Помнишь ли ты наш дом с осликом?". "Иных уж нет..." Никто не откликнется на пароль "дом с осликом". Скорее всего, никто и не вспоминает ослика, как вспоминаю его я, проходя мимо ворот или подъезда, где была наша квартира № 4. А ведь ослик был трудолюбив, он не ленился, не упряился, работал не покладая ног. Утро начиналось с "иа-иа", это слышали все, а увидеть серенького могли не все: ослик подвозил тележку (или телегу) аккуратно к нашим окнам в переулочке. На тележке белели мешки с мукой. Ослик и тележка, припудренные мучной пылью, терпеливо ждали появления грузчиков. Грузчики, сказочные богатыри, покрывали голову треугольниками разрезанных мешков и приступали к работе.

Мешки плавно съезжали по наклонной доске в подвал под нашим окном, лица грузчиков и их капюшоны покрывала белейшая "пудра". Не припомню ссор или ругательств,

грузчики ловко и весело перетаскивали мешки круглый год изо дня в день.

Они еще успевали отвесить поклон и направить комплимент в адрес моей бабушки, которая неизменно появлялась у окна с зеркалацем, чтобы на свету поправить прическу-корону (кстати, из собственных густых кос).

Возница и ослик отдыхали, выполнив работу. Ослик был спокоен и задумчив. Может быть, грустен, и наверняка серьезен.

Все действие завершалось невероятным, неповторимым ароматом выпеченного из привезенной муки хлеба и самим хлебом, пушистым, с хрустящей корочкой. Нарушая все правила, нам продавали свежий, круглый и горячий, как солнышко, хлебушек. Так ослик и грузчики, и пекари, и мы попадали в круговорот волшебства — рождение хлеба!

Хлеб! Вот что так связывало нас, соседей по дому № 20 по улице Коблевской и № 2 по Новобазарному переулочку. Хлеб был добрым, как живое существо. И мы, дети, принимая его от пекарей, становились добрее, сами того не понимая.

Город я не сменила, а адреса менялись. Но во сне ко мне приходит почему-то только тот старенький двор, друзья моих детских игр, скромный ослик с добрыми глазами.

И волшебный хлеб моего детства!

Валентин СКУРЛОВ

Правнучка Фаберже

Из всех потомков большой семьи ювелира Карла Густавовича Фаберже лишь один человек продолжил его дело в XXI веке — правнучка Татьяна Федоровна, гражданка Швейцарии, ныне живущая во Франции.

В Киев Татьяна Фаберже приехала в четвертый раз. Впервые она побывала в столице Украины в 1965 году — по турпутевке вместе с мамой, которая в те годы работала в ООН. Следующие визиты пришлось на 1990-е годы. В каждый свой приезд Татьяна Федоровна видела совершенно новую страну. Да и для ее матери посещение родины было в диковинку: семья уехала из России, когда ей было четыре года.

Прекрасный русский язык, скромность, хороший вкус и трезвый ум — о дворянке Татьяне Фаберже можно говорить только в превосходной степени. Правнучка легендарного ювелира знает пять языков. Более 30 лет (Правильно, 38 лет, с 1957 по 1995. — В. С.) проработала в Международном центре ядерных исследований CERN. Общалась с Сахаровым, Александровым, Патеном. Два года работала в Ливане. 15 лет, с 1956 по 1971 год, вместе с отцом Федором Агафоновичем занималась ювелирным делом.

— Татьяна Федоровна, кроме вас в вашем роду кто-нибудь занимается искусством?

— У одной внучки есть дизайнерские наклонности, но ничего из этого не получилось. Сегодня потомков нашего рода около двадцати человек, они живут в Бразилии, Финляндии, Англии, и я — во Франции. К сожалению, из большой семьи бразильских Фаберже никто не пошел по художественной линии. Брат отца (Петр Агафонович, 1902-1970. — В. С.) ничего не рассказывал своим восьмерым детям о России, о деде и бабушке. Они даже не знали, что у них есть родст-

Татьяна Федоровна Фаберже

венники в Швейцарии. У людей, переживших начало революции, начало войны между белыми и красными, остались очень тяжелые воспоминания. Практически наши родственники прятались в бразильских джунглях — в 80 км от Сан-Паулу. И дядя специально

своим детям ничего не рассказывал, даже в школу не пускал, не хотел, чтобы слушали радио и новости. Для него, наверное, удивительное в 1917 году было шоком.

— Как случилось, что ваша семья потеряла торговую марку "Фаберже"?

— Наш "друг" Арманд Хаммер сам зарегистрировал ее в Америке (На самом деле, в США с подачи Хаммера марку зарегистрировал друг Хаммера Самуэль Рубин в 1944 году, когда в Европе шла война. — В. С.). Он просто сказал, что Фаберже больше нет. Затем продал свое дело за очень большие деньги. Предпоследним владельцем марки был "Юнилевер", выпускавший зубную пасту, дезодоранты, все что хочешь. Потом, в начале 2007 года, права купил британский инвестиционный фонд Pallinghurst Resources, давно известный добычей бриллиантов в Южной Африке. Они хотят развить марку "Фаберже" на высоком уровне, а не выпускать всякий ширпотреб.

— Татьяна Федоровна, вы специально работали в стиле Карла Фаберже?

— С моим отцом Федором Агафоновичем мы пытались делать и что-то другое, но все получалось, как Фаберже. Сегодня эти вещи регулярно встречаются на аукционах. В прошлом году на "Сотбис" (На самом деле, на лондонском аукционе "Бонемс". — В. С.) продавался наш медведь из горного хрусталя. На его малахитовом постаменте написано "Федор Фаберже", хотя эту надпись мы не делали. Значит, кто-то доделал.

Мой отец имел право ставить клеймо "Фаберже". И рядом ставил свой инициал "Федор Фаберже". Так вот, инициал стирали и продавали произведение под старого Фаберже. Мы это не сразу обнаружили. Надо было вещи фотографировать. Всего мы с отцом сделали 600 предметов, а сфотографировали только 200.

— У вас сохранились собственные ювелирные украшения?

— Ничего не осталось. Ювелир все делает на продажу. Семейных вещей тоже почти нет. Все, что осталось по наследству, — кресло, стулья и диван. И драгоценностей нет. Моей маме в 1912 году подарили цепочку с маленькими пасхальными яичками: такие украшения были очень популярны с 1880-х годов по 1918-й, пока их не стали считать предметом религиозного культа. На каждую Пасху женщинам дарили пасхальные яички. И если, например, на цепочке их собиралось 25, было видно, что ее обладательницу очень любили. Такие украшения женщины носили в период с Пасхи до Троицы. Это была очень хорошая традиция. Сегодня никто такие украшения делать не умеет. Эту драгоценность у меня украли — прямо у меня в доме.

— Карл Фаберже был экспериментатором. Как вы думаете, если бы он работал сегодня, — тоже облагораживал бы бриллиантами сотовые телефоны?

— Как только появилось электричество, он делал настольные лампы, звонки, часы. Это было очень прогрессивно с те времена. Кроме него часы начал делать Картье, но на 10-15 лет позже. А настольные часы Фаберже, за которыми охотятся коллекционеры, сегодня продаются за полтора миллиона долларов. Или вот, например, рамки для фотографий работы Фаберже — из-за них у губернаторов и мэров больших городов России какой-то психоз. Если у тебя нет рамки от Фаберже на рабочем столе, это все: ты — не человек! А рамка стоит хороших 150 тысяч долларов.

— Мало кто знает, что Фаберже — фамилия не совсем настоящая. Это тоже эксперимент предков?

— Во Франции предки Фаберже в далекие годы были Фабри, потом стали писатели Фабрие, и только затем — Фаберже. В Санкт-Петербургских справочниках за 1854 год один раз было написано: Фаберж, другой — Фаберже. Но поскольку в те годы модно было называться французскими ювелирами, Густав — отец Карла Фаберже, открыв мастерскую, предпринял маркетинговый ход, изменив фамилию на Фаберже. А Фабер — это латинский корень, что означает "мастер".